

Мюллер Макс

**Наука о языке. Новый ряд чтений
Макса Мюллера**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
М17

М17 **Макс М.**
Наука о языке. Новый ряд чтений Макса Мюллера / Мюллер Макс – М.: Книга по Требо-
ванию, 2024. – 286 с.

ISBN 978-5-519-98392-1

ISBN 978-5-519-98392-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

НАУКА О ЯЗЫКѢ.

Первая лекція.

* Исторія первичнаго развитія человѣческаго разума, или его эмбриологія, причины его вѣковыхъ заблужденій, или его патологія, и другіе вопросы такой-же громадной важности, затронутые въ послѣднее время наукой о языкѣ, вполне соответствуютъ той громадности матеріала, который необъятнымъ полемъ раскрылся предъ нами и ждетъ своихъ воздѣльвателей: * языкъ, на которомъ мы говоримъ, языки, на которыхъ говорятъ и на которыхъ говорили во всѣхъ странахъ и во всѣ времена, съ тѣхъ поръ какъ занялась заря человѣческой мысли,— всѣ языки представляютъ матеріалы, годные для научной обработки. Мы можемъ собирать ихъ и группировать по извѣстнымъ, болѣе или менѣе общимъ, признакамъ, можемъ разлагать ихъ на составные элементы и выводить изъ нихъ извѣстные законы, которые объясняютъ ихъ происхожденіе, управляютъ развитіемъ, обуславливаютъ ихъ вырожденіе; мы можемъ относиться къ нимъ совершенно въ такомъ-же духѣ, какъ относится геологъ къ своимъ окаменѣlostямъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, даже, какъ астрономъ относится къ звѣздамъ, или ботаникъ къ цвѣтамъ въ полѣ. Есть наука о языкѣ, точно также какъ есть наука о землѣ, о звѣздахъ, о растеніяхъ; и хотя она, какъ молодая наука, еще очень далека отъ того совершенства, котораго достигли, благодаря усиліямъ гениальныхъ умовъ разныхъ странъ и разныхъ вре-

ментъ, астрономія, ботаника и даже геологія,—но именно это, можетъ быть, и дѣлаетъ ее еще болѣе привлекательной. Это—молодая, развивающаяся наука; на нашихъ глазахъ она растетъ и съ каждымъ годомъ обнаруживаетъ новыя силы, открывающія новыя взгляды и новыя области для изслѣдованій; богатою жатвой оплачиваетъ она потраченные на нее труды, между тѣмъ какъ эти самыя труды, приложенныя къ почвѣ старыхъ наукъ, едва ли могутъ быть вознаграждены такъ щедро. Въ совершенно новый міръ вводитъ насъ наука о языкѣ. Нетронутая почва лежитъ за порогомъ нашей старой хранины знаній, и огромныя пространства этой дѣвственной почвы станутъ собственностію того, кто переступитъ за предѣлы Стараго Свѣта знаній. Мы можемъ избрать себѣ въ сосѣдствѣ небольшую деревню и подмѣчать въ ней особенности говора, собирать замѣчательныя выраженія, пословицы и преданія *, которыя неожиданно ярко освѣтятъ не одну страницу въ исторіи нашей мысли, нашего слова, въ исторіи темной,—но изъ непрогляднаго мрака старины тѣмъ сильнѣе приковывающей наше вниманіе.* Не-то мы можемъ отправиться прямо къ нашимъ антиподамъ, изучать языкъ Сандвичанъ и слѣдить въ законахъ и эдиктахъ какого-нибудь Камеамеа за проявленіемъ той же способности человѣка, которая, даже на самыхъ низшихъ ступеняхъ развитія, такъ поразительно удовлетворяетъ своему высокому назначенію. Нарѣчія древней Греціи, не удостоившіяся никакого вниманія со стороны такихъ замѣчательныхъ классическихъ ученыхъ, какъ Maittaire, Giese и Ahrens, вполне вознаграждаютъ тотъ трудъ, который потратитъ сравнительная филологія на новыя поиски въ этой области изслѣдованій. Ихъ формы, казавшіяся классическимъ филологамъ какими-то аномаліями и диковинами, явятся въ совершенно иномъ свѣтѣ, пройдя чрезъ анализъ сравнительной грамматики. Онѣ осмыслятся и подойдутъ подъ болѣе общіе законы и, прояснившись чрезъ сравненіе съ формами другихъ нарѣчій, въ свою очередь, еще болѣе прольютъ свѣта на звуковыя особенности Санскрита и Пракрита, Зенда и Персидска-

го языка, Латинскаго и Французскаго. Но если-бъ даже истожились эти старыя копи, наука о языкѣ изъ самой себя создастъ матеріалы для изученія: словно жезломъ пророка, коснётся она камней пустыни, и эти камни дадутъ новые потоки живой рѣчи. Я говорю о надписяхъ на камняхъ и утесахъ въ Персіи. Не удивительно, что открытія, которыми мы обязаны генію и настойчивости Grotefend'a, Burnouf'a, Lassen'a и Rawlinson'a, покажутся просто невѣроятными для тѣхъ, кто не захочетъ приглядѣться къ нимъ поближе. Ничего не можетъ быть болѣе лестнаго для нихъ, какъ эта кажущаяся невѣроятность добытыхъ ими результатовъ ⁽¹⁾. Чѣмъ сначала казалось намъ то, что мы называемъ теперь клинообразными надписями Кира, Дарія, Ксеркса, Артаксерса I, Дарія II, Артаксеркса Мнемона, Артаксеркса III-го (теперь эти надписи имѣютъ нѣсколько изданій, переводовъ, грамматикъ и словарей)? Просто смѣсю какихъ-то крючковъ, выцарапанныхъ или выбитыхъ на одинокомъ памятникѣ Кира въ Мургабѣ, на развалинахъ Персеполя, на утесахъ Бегистуна (или Бисутуна), близъ Медійской границы, и на стремнинахъ Вана въ Арменіи. Гротефендъ, до попытки своей разобрать по складамъ эти каракули, долженъ былъ убѣдиться, что это были дѣйствительно надписи, а не арабески, не какія нибудь причудливыя украшенія ⁽²⁾. Затѣмъ, ему нужно

⁽¹⁾ Чисто научный отвѣтъ на возраженія покойнаго сэра G. C. Lewis'a противъ Champollion'a и другихъ разбирателей древнихъ надписей заключается въ статьѣ профессора Le Page Renouf'a: «Sir G. C. Lewis on the Decipherment and Interpretation of Dead Languages, въ журналѣ Atlantis, №№ VII и VIII, стр. 23. Мы не знаемъ, измѣнилъ-ли когда нибудь покойный сэръ G. C. Lewis свое мнѣніе о методѣ, по которому прочитаны были надписи Египта, Персіи, Индіи и древней Италіи, но это былъ человѣкъ такого прямого характера, что первый сознался-бы въ своей ошибкѣ, если-бъ смерть не прекратила его ученыхъ занятій. Хотя его сомнѣнія на этотъ разъ были неосновательны и бесплодны, но смерть такого ученаго—большая потеря для нашихъ изслѣдованій, нуждающихся болѣе чѣмъ всякія другія изслѣдованія въ постоянномъ контролѣ строгой критики людей точнаго ума и основательнаго знанія. Недавно вышедшій очеркъ профессора I. W. Newman'a «On the Umbrian Language,» составляющій продолженіе къ статьѣ, помѣщенной въ Fraser's Magazine, Янв., 1863, свидѣтельствуетъ объ остроуміи и добросовѣстности автора.

⁽²⁾ Memoire de M. le comte de Caylus, sur les ruines de Persepolis, dans le tome XXIX des Memoires de l'Academie des inscriptions et belles-lettres, Histoire de l'Académie, стр. 118.

было доискаться, какъ читать эти магическіе знаки, перпендикулярно или горизонтально, отъ правой руки къ лѣвой, или отъ лѣвой къ правой. Лихтенбергъ думалъ, что ихъ нужно читать отъ правой руки, какъ у Евреевъ. Гротендъ, въ 1802 году, доказалъ, что знаки эти слѣдуютъ въ такомъ-же порядкѣ, какъ и въ нашихъ языкахъ, т. е. отъ лѣвой къ правой. Еще до Гротенда Münter и Tychsen замѣтили, что въ надписяхъ существуетъ знакъ для раздѣленія словъ. Подобный знакъ вообще служитъ драгоценнымъ пособіемъ при всѣхъ попыткахъ разбирать надписи, потому что онъ вдругъ разоблачаетъ значеніе цѣлыхъ сотенъ словъ, и въ Аріискомъ языкѣ знакомить съ остовомъ грамматики. Но сколько еще трудностей нужно было преодолѣть для того, чтобы прочесть хоть одну строку. Неизвѣстно было, на какомъ языкѣ сдѣланы были надписи: это могъ быть одинъ изъ Семитическихъ, одинъ изъ Туранскихъ, одинъ изъ Аріискихъ языковъ. Неизвѣстно было, къ какому періоду принадлежали эти надписи: о завоеваніяхъ Кира говорили онѣ, или о побѣдахъ Дарія, Александра? Неизвѣстно было, какимъ алфавитомъ онѣ написаны, * т. е. выражались-ли этими знаками членораздѣльные звуки, какъ въ нашемъ фонетическомъ письмѣ, или-же это были знаки цѣлыхъ звуковыхъ комбинацій, какъ въ силлабическомъ письмѣ Японцевъ, или, наконецъ, каждый изъ нихъ выражалъ собою цѣлое понятіе, какъ въ идеографическихъ памятникахъ древне-американской цивилизаціи, или отчасти, въ Китайскомъ письмѣ.* Длинная вышла-бы исторія, если-бъ мы шагъ за шагомъ захотѣли слѣдить—какъ одно за другимъ преодолевались эти препятствія, какъ разобраны были сначала собственныя имена Дарія, Ксеркса, Гистаспа и ихъ бога Ормузда; какъ определено было по нимъ значеніе нѣкоторыхъ буквъ, какъ потомъ, съ помощію добытаго такимъ образомъ, скуднаго алфавита, прочитаны были другія слова, твердо установившія тотъ фактъ, что языкъ этихъ надписей былъ древне-Персидскій; какъ затѣмъ необыкновенно успѣшный перекрестный огонь былъ открытъ Зендомъ, представителемъ Персидскаго языка до Дарія—съ одной стороны,

и позднѣйшимъ Персидскимъ языкомъ съ другой; какъ тогда кстати подоспѣла еще болѣе грозная артиллерія изъ стараго Санскрита; какъ прорывались аванпостъ за аванпостомъ, и сдѣланы были рѣшительные приступы пока не пала наконецъ крѣпость и не сдалась методу и приѣмамъ, диктованнымъ наукой объ языкѣ.

Остановиться на подробностяхъ этой славной осады и побѣды было бы для меня удовольствіемъ; но въ настоящемъ случаѣ я только упомянулъ объ ней для того, чтобы показать, какъ во всѣхъ частяхъ земнаго шара,—изъ такихъ источниковъ, откуда всего менѣе можно было ожидать—являлись и продолжаютъ являться новые матеріалы, которыхъ достало-бы на гораздо большее число рабочихъ умовъ, чѣмъ то, какимъ въ настоящее время можетъ похвалиться наука о языкѣ. Надписи Вавилона и Ниневіи, іероглифы Египта, цѣлыя лѣтописи, представляемыя пещерами Индіи, памятниками Ликіи, могилами Этруріи, разбитыми таблицами Умбріи и Самніума,—все это выдаетъ свои вѣковыя тайны языковѣду. Оглянемся теперь на безчисленные говоры, раздающіеся среди народовъ Азіи, Африки, Америки, Океаніи, и мы увидимъ, что никакому ученому не можетъ прійти въ голову опасеніе за нѣсколько грядущихъ поколѣній, что настанетъ время, когда не останется больше ни одного языка для изученія, *не говоря уже о томъ, что наукѣ о языкѣ, какъ и всякой другой наукѣ, свойственъ также безконечный путь развитія въ глубь, а не только въ ширь.*

Другая прелесть въ наукѣ о языкѣ, которую она, правда, дѣлитъ съ другими своими молодыми сестрами,—это ожесточенная борьба между великими противоположными началами за исключительное господство въ наукѣ. Въ астрономіи оспаривать основные міровые законы никому не придется въ голову, и Птолемеевой системѣ ужъ не найти себѣ сторонниковъ. Въ геологіи распря между вулканистами и пентунистами пришла къ концу. Не то въ наукѣ о языкѣ. Противорѣчія между великими началами здѣсь еще не примирены. Произведеніе-ли природы—языкъ, или произведеніе искусства; одно-ли общее на-

чало у всѣхъ языковъ, или-же было много первичныхъ языковъ; можно-ли ихъ привести классификаціей въ какой нибудь порядокъ или нѣтъ — все это такіе важные вопросы, которые останавливаютъ на каждомъ шагу, и ученые, погружаясь въ самыя мелочныя изслѣдованія, снося лишь кирпичъ да известъ, что-бъ вывести стѣны ихъ новой науки, постоянно должны быть готовы съ оружіемъ въ рукахъ встрѣтить непріятеля. Подобное состояніе, правда, утомляетъ иногда, но въ немъ есть и своя хорошая сторона: оно заставляетъ насъ строго провѣрять тѣ основы, на которыхъ мы хотимъ строить наше зданіе; и когда мы даже погружены въ одни суффиксы да префиксы, оно не даетъ намъ оторвать взора отъ той громадности выводовъ, которую влекутъ за собою эти мелочныя изслѣдованія. Основы нашей науки не страдаютъ отъ подобныхъ нападеній, напротивъ, подобно миньятюрнымъ коралловымъ зданіямъ, незамѣтно возрастающимъ изъ морской глубины, онѣ еще болѣе крѣпнутъ подъ ударами бурныхъ волнъ возраженій.

Болѣе чѣмъ когда нибудь во мнѣ окрѣпло въ настоящее время убѣжденіе, что, безъ науки о языкѣ, тотъ кругъ наукъ, которому по преимуществу посвящено это ученое учрежденіе, кругъ естественныхъ наукъ, былъ-бы не полонъ. Все мірозданіе завершается человѣкомъ.* Въ длинномъ ряду геологическихъ фазъ развитія нашей планеты, время человѣка есть высшая доступная ей степень развитія: все, что жило до человѣка, все, что живетъ теперь рядомъ съ нимъ, все это только ступени, по которымъ возвышалась природа до апогея своихъ силъ, за которыми возможно для нея только обратное развитіе.* Поэтому наука о человѣкѣ, или, какъ ее иногда называютъ, антропология, должна увѣичать собою кругъ естественныхъ наукъ. Но если дѣйствительно языкъ составляетъ глубокую пропасть, которая отдѣляетъ человѣка отъ животныхъ,* что такъ краснорѣчиво высказалъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ современныхъ естествоиспытателей, (въ концѣ своихъ чтеній лондонскимъ рабочимъ «о причинахъ явленій въ органической природѣ»), Т. Гексли,* то наука о язы-

къ имѣетъ полное право удержать за собою то мѣсто въ ряду естественныхъ наукъ, какое я указывалъ для нея, впервые обращаясь къ членамъ Великобританскаго Королевскаго Института. Позвольте мнѣ привести слова того, чья память съ каждымъ годомъ становится для меня дороже, и дружбѣ котораго я такъ много обязанъ. Бунзенъ, впервые обращаясь къ вновь учрежденному отдѣленію этнологіи въ «Британскомъ Обществѣ» въ Оксфордѣ, въ 1847 году, говорилъ:

«Если человѣкъ—вѣнецъ творенія, то, съ одной стороны, совершенно справедливо требовать, чтобы историческія изслѣдованія о его происхожденіи и развитіи не выдѣлялись изъ общаго строя естественныхъ наукъ, и изъ физиологіи въ особенности. Но съ другой стороны, если человѣкъ—вѣнецъ творенія, если онъ—тотъ идеаль, къ которому стремятся всѣ органическія формы, съ самыхъ низшихъ и самыхъ раннихъ; если человѣкъ, въ одно и то же время, тайна и ключъ естествознанія; если такой взглядъ науки—единственный въ наше время и достойный нашего вѣка: то этнологическая филологія, установленная на такихъ-же прочныхъ и ясныхъ началахъ, какъ и законы физиологическіе, должна быть высшею отраслью тѣхъ знаній, развитіе которыхъ поставило себѣ задачею настоящее общество. Она—не дополненіе къ физиологіи, или къ чему-бы то ни было, напротивъ, предметъ ея способенъ самъ стать цѣлью и средоточіемъ трудовъ цѣлаго ученаго общества.» ⁽³⁾

Въ прежнихъ моихъ чтеніяхъ о языкѣ единственнымъ моимъ намѣреніемъ было указать на главный предметъ науки, опредѣлить ея границы и набросать общую карту той области, которая, съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ, была изслѣдована въ послѣднія пятьдесятъ лѣтъ. Эта карта была по необходимости неполна. Въ ней заключалось немногимъ больше того, что въ атласахъ древняго міра называлось «*Orbis Veteribus Notus*» (Міръ, извѣстный древнимъ), гдѣ вы находите знакомыя названія и

⁽³⁾ Report of the British Association for the Advancement of Science, 1847, стр. 257.

границы только въ тѣхъ частяхъ Европы, Азии и Африки, которыя были первоначальной сценой великой драмы исторіи; дальше-же, за Гиперборейми.—на сѣверѣ, за Антропофагами.—на западѣ, за Эѳіонами.—на югѣ, (*) вы видите лишь самыя неопредѣленные очертанія, между тѣмъ какъ новый свѣтъ существуетъ еще только въ воображеніи философовъ.

Въ настоящихъ чтеніяхъ я хотѣлъ было развить въ большихъ подробностяхъ общія очертанія этой карты. Матеріаловъ для этого очень много и масса ихъ постепенно увеличивается. Труды Гervаса, Аделгунга, Клаврота, Бальби, Причарда и Лавама покажутъ вамъ, съ какими подробностями, сравнительно съ древними географическими картами Страбона и Птолемея, можетъ быть начертана лингвистическая карта въ настоящее время. Но я нашелъ, что это не совсѣмъ удобный предметъ для публичныхъ чтеній. Мнѣ пришлось-бы ограничиться отчетомъ о работахъ, сдѣланныхъ другими, отчетомъ о наблюденіяхъ, сдѣланныхъ миссіонерами и путешественниками, среди черныхъ Африканскихъ племенъ, среди островитянъ Полинезій, да среди краснокожихъ Американцевъ. Мнѣ пришлось-бы повторить сдѣланныя ими описанія правовъ и обычаевъ, законодательствъ, религій этихъ племенъ, сдѣлать выдержки изъ ихъ грамматикъ и извлеченія изъ ихъ словарей. Все это вышло-бы у меня по необходимости дѣломъ вторыхъ рукъ, и все, что я могъ-бы при-

(*) Гиперборей, известный Гомеру и Геродоту за народъ, жившій на крайнемъ сѣверѣ, любимый Апполономъ и отличавшійся доброй и счастливою жизнью, были для Грековъ мифическимъ народомъ, подобно Уттаракурсамъ браминовъ. Ихъ имя значитъ: живущіе за горами, и «Борей» (сѣверный вѣтеръ) первоначально означалъ «вѣтеръ съ горъ,» частіе, «съ Гипейскихъ горъ.» (См. Preller's Griechische Mythologie, I. 137.) Βορὸς, откуда Βορέας, то-же что ο γ ο ς, гора: обѣ формы происходятъ отъ одного и того-же корня, который въ Санскритскомъ является въ видѣ gir i, гора, въ въ Славянскихъ языкахъ гора,* у Сербовъ-же—б о р ѣ (гора).* (См. Curtius, Grundzüge der Griechischen Etymologie, I 314; II 67.)

Подъ именемъ Эѳіоновъ, о которыхъ тоже упоминаютъ Гомеръ и Геродотъ, первоначально подразумѣвали вообще народъ чернаго цвѣта. Aithi-оръ, также какъ и aithors, значитъ «загорѣлый,» собственно, „выглядывающій какъ пламень,“ отъ aithein, горѣть, въ Санскритѣ idh, горѣть. [Curtius, I. 213.]

бавить отъ себя, состояло-бы развѣ изъ критики ихъ попытокъ классифицировать нѣкоторыя группы языковъ въ этихъ обширныхъ областяхъ, при чемъ я могъ-бы иногда указать сходство, гдѣ они его не замѣтили, или-же натяжку, гдѣ нѣтъ достаточныхъ фактическихъ оснований для ихъ теорій. Всѣ, кому приходилось слѣдить за извѣстіями о новыхъ языкахъ, о новыхъ семействахъ языковъ, знаютъ, какой строгой повѣркѣ подвергались не только теоріи, но даже факты, сообщаемые миссіонерами и путешественниками, прежде чѣмъ они попадали, хотя на время, въ наши руководства, и прежде чѣмъ мы рѣшались, на основаніи этихъ новыхъ извѣстій, переставить границы на великой картѣ языковъ рода человѣческаго. Такъ, въ нѣсколькихъ нумерахъ «Полинезіяца», вышедшихъ въ 1862 году въ Гонолулу ⁽⁵⁾, проводится теорія, что всѣ языки, извѣстные подъ общимъ названіемъ Индо-европейскихъ, имѣютъ свой настоящій корень и начало, въ Полинезійскихъ языкахъ. «Я вполне убѣжденъ,» пишетъ авторъ, «что это фактъ относительно Греческаго языка и Санскрита;» я имѣлъ основаніе думать, что то-же самое можно сказать и относительно Латинскаго языка и другихъ, повѣйшихъ языковъ, словомъ, относительно всѣхъ Индо-европейскихъ языковъ, какъ древнихъ, такъ и новыхъ.» Затѣмъ онъ продолжаетъ: «Второе открытіе, принадлежащее мнѣ и имѣющее связь съ первымъ, состоитъ въ томъ, что изученіе Полинезійскихъ языковъ даетъ намъ ключъ къ объясненію первоначальныхъ отклоненій самого языка и его цѣлаго механизма.»

Какъ ни странно слушать, когда говорятъ о языкѣ Гомера или Эннія, какъ о нарѣчіяхъ Сандвичанъ, но поверхностный и не идущій къ дѣлу отвѣтъ на подобныя теоріи былъ-бы просто смѣшнымъ. Еще не такъ давно ученые классики-филологи сомнительно покачивали головой при мысли о сближеніи корней классическихъ языковъ

(5) The Polynesian, Гонолулу, Сентября 27, Октября 4, Октября 11, 1862: здѣсь помѣщена статья Д-ра I. Rae.

съ корнями Санскрита, да и теперь еще есть такіе ученые, которые никакъ не могутъ допустить того факта, что въ очень отдаленную, но тѣмъ не менѣе дѣйствительную, эпоху всемірной исторіи, предки гомерическихъ и ведическихъ поэтовъ жили вмѣстѣ, составляя одно племя и одинъ языкъ.

Есть и другія теоріи, поражающія своей оригинальностью не менѣе той, которая возводитъ Полинезійскій говоръ въ первичный языкъ человѣчества. Одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ ученыхъ, Д-ръ Bleek ⁽⁶⁾, недавно издалъ въ Капштадтѣ сравнительную грамматику южно-Африканскихъ языковъ, въ которой доказываетъ, что за исключеніемъ языка Бушменовъ, не довольно еще изслѣдованнаго, вся группа Африканскихъ языковъ можетъ быть сведена къ двумъ семействамъ. У него оказывается, что Готтентотскій говоръ—вѣтъ сѣверо-Африканскаго класса языковъ ⁽⁷⁾, что онъ былъ оторванъ отъ общей семьи родственныхъ ему говоровъ вторженіемъ другаго больша-

⁽⁶⁾ A comparative of the South African Languages, D-ra W. H. I. Bleek'a. 1862.

⁽⁷⁾ Когда преподаватель R. Moffat былъ въ Англіи, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, ему случилось говорить съ однимъ Сирійцемъ, только что прибывшимъ изъ Египта; по поводу этой встрѣчи, Moffat сдѣлалъ слѣдующее замѣчаніе: „когда я началъ описывать ему Готтентотскій языкъ и прочелъ небольшую отрывокъ по-готтентотски, онъ замѣтилъ, что ему случалось видѣть рабовъ на Каирскомъ рынкѣ, приведенныхъ съ-далека, изъ-внутри материка, которые говорили подобнымъ-же языкомъ и были не такъ черны, какъ вообще рабы. Это совпадаетъ съ свидѣтельствами древнихъ авторовъ: въ ихъ описаніяхъ народа, населяющаго внутреннія страны сѣверной Африки, легко узнать Готтентотовъ и Бушменовъ.“—„Итакъ можно допустить, что упомянутый народъ принадлежитъ къ Готтентотской расѣ, предки которой остались во внутренности матерки, къ югу или западу отъ Египта, между тѣмъ какъ переселеніе въ большихъ размѣрахъ продолжалось своимъ порядкомъ. Если нельзя неопровержимымъ образомъ доказать, по крайней мѣрѣ можно основательно предположить, что Готтентоты вышли первоначально изъ Египта. Въ самомъ дѣлѣ, эта догадка подтверждается замѣчательнымъ сходствомъ между Коптами и Готтентотами, въ общихъ очертаніяхъ ихъ наружности.“ (Applegard, The Kafir Language, 1850.)—„Зная, что Готтентоты пришлая раса и что слѣды ихъ существованія простираются въ самую глубь южно-Африканскаго материка, мы можемъ считать ихъ обломкомъ древняго, собственно азіатскаго, населенія, жившаго вдоль горныхъ хребтовъ Африки, гдѣ теперь живетъ племя Гада, перерезаннаго и окруженнаго теперь племенами другаго происхожденія.“ (J. C. Adamson, in Journal of the American Oriental Society, т. IV, стр. 449, 1854).